

Иван Гончаров. Обломов.

Хотя было уже не рано, но они успели заехать куда-то по делам, потом Штольц захватил с собой обедать одного золотопромышленника, потом поехали к этому последнему на дачу пить чай, застали большое общество, и Обломов из совершенного уединения вдруг очутился в толпе людей. Воротились они домой к поздней ночи.

На другой, на третий день опять, и целая неделя промелькнула незаметно.

Обломов протестовал, жаловался, спорил, но был увлекаем и сопутствовал другу своему всюду.

Однажды, возвратясь откуда-то поздно, он особенно восстал против этой суеты.

- Целые дни, - ворчал Обломов, надевая халат, - не снимаешь сапог: ноги так и зудят! Не нравится мне эта ваша петербургская жизнь! - продолжал он, ложась на диван.

- Какая же тебе нравится? - спросил Штольц.

- Не такая, как здесь.

- Что ж здесь именно так не понравилось?

- Все, вечная беготня взапуски, вечная игра дрянных страстишек... Где же тут человек? Где его целость? Куда он скрылся, как разменялся на всякую мелочь?

- Это все старое, об этом тысячу раз говорили, - заметил Штольц. - Нет ли чего поновее? А впрочем, и то хорошо: по крайней мере, рассуждаешь, не спишь. Ну, что еще? Продолжай.

- Что продолжать-то? Ты посмотри: ни на ком здесь нет свежего, здорового лица...

- Климат такой, - перебил Штольц. - Вон и у тебя лицо измято, а ты и не бегаешь, все лежишь.

- Вот этот желтый господин в очках, - продолжал Обломов, - пристал ко мне: читал ли я речь какого-то депутата, и глаза вытарачил на меня, когда я сказал, что не читаю газет. Рассуждают, соображают вкривь и вкось, а самим скучно - не занимает это их; сквозь эти крики виден непробудный сон... Дела-то своего нет. А избрать скромную, трудовую тропинку и идти по ней...

- Где же наша скромная, трудовая тропинка? - спросил Штольц.

Обломов не отвечал.

- Ну, скажи мне, какую бы ты начертал себе жизнь? - продолжал спрашивать Штольц.

- Я уж начертал.

- Что ж это такое? Расскажи, пожалуйста, как?

- Как? - сказал Обломов, перевертываясь на спину и глядя в потолок. - Да как! Уехал бы в деревню.

- Что ж тебе мешает?

- План не кончен. Потом я бы уехал не один, а с женой.

- А! вот что! Ну, с богом. Чего ж ты ждешь? Еще года три - четыре, никто за тебя не пойдет...

- Что делать, не судьба! - сказал Обломов, вздохнув. - Состояние не позволяет!

- Помилуй, а Обломовка? Триста душ!

- Так что ж? Чем тут жить, с женой?
- Вдвоем, чем жить!
- А дети пойдут?
- Детей воспитаешь, сами достанут; умеи направить их так...
- Нет, что из дворян делать мастеровых! - сухо перебил Обломов.

- Ну хорошо; пусть тебе подарили бы еще триста тысяч, что б ты сделал? - спрашивал Штольц с сильно задетым любопытством.

- Ну, приехал бы я в новый, покойно устроенный дом. В окрестности жили бы хорошие соседи, ты, например... Да нет, ты не усидишь на одном месте.

- А ты разве усидел бы всегда? Никуда бы не поехал?

- Ни за что! И без нас много; мало ли управляющих, приказчиков, купцов, чиновников, праздных путешественников, у которых нет угла? Пусть ездят себе!

- А ты кто же?

Обломов молчал.

- К какому же разряду общества причисляешь ты себя?

- Спроси Захара, - сказал Обломов.

Штольц буквально исполнил желание Обломова.

- Захар! - закричал он.

Пришел Захар, с сонными глазами.

- Кто это такой лежит? - спросил Штольц.

Захар вдруг проснулся и стороной, подозрительно взглянул на Штольца, потом на Обломова.

- Как кто? Разве вы не видите?

- Не вижу, - сказал Штольц.

- Что за диковина? Это барин, Илья Ильич.

Он усмехнулся.

- Хорошо, ступай.

- Барин! - повторил Штольц и закатился хохотом.

- Ну, джентльмен, - с досадой поправил Обломов.

- Нет, нет, ты барин! - продолжал с хохотом Штольц.

- Какая же разница? - сказал Обломов. - Джентльмен - такой же барин.

- Джентльмен есть такой барин, - определил Штольц, - который сам надевает чулки и сам же снимает с себя сапоги.

- Да, англичанин сам, потому что у них не очень много слуг, а русский...

- Продолжай же дорисовывать мне идеал твоей жизни. Ну, хорошие приятели вокруг; что ж дальше? Как бы ты проводил дни свои?

- Ну вот, встал бы утром, - начал Обломов, подкладывая руки под затылок, и по лицу разлилось выражение покоя: он мысленно был уже в деревне. - Погода прекрасная, небо синее-пресинее, ни одного облачка, - говорил он, - одна сторона дома в плане обращена у меня балконом на восток, к саду, к полям, другая - к деревне. В ожидании, пока проснется жена... Я составляю букет для жены. Потом иду в ванну или в реку купаться, возвращаюсь - балкон уж отворен; жена в блузе, в легком чепчике. Она ждет меня. "Чай готов", - говорит она. - Какой поцелуй! Какой чай! Какое покойное кресло!

- Да ты поэт, Илья! - перебил Штольц.

- Да, поэт в жизни, потому что жизнь есть поэзия. Потом можно зайти в оранжерею, - продолжал Обломов, сам упиваясь идеалом нарисованного счастья.

Он извлекал из воображения готовые, давно уже нарисованные им картины и оттого говорил с одушевлением, не останавливаясь.

- Еще два, три приятеля, все одни и те же лица. Начнем вчерашний, неконченный разговор. Все по душе! Что в глазах, в словах, то и на сердце! ...

- Ты мне рисуешь одно и то же, что бывало у дедов и отцов.

- Нет, не то, - отозвался Обломов, почти обидевшись, - где же то? Разве у меня жена сидела бы за вареньями да за грибами? Разве была бы девок по щекам? Ты слышишь: ноты, книги, рояль, изящная мебель? Гости расходятся: кто удить, кто с ружьем, а кто так, просто, сидит себе...А? Это не жизнь?

- И весь век так? - спросил Штольц.

- До седых волос, до гробовой доски. Это жизнь!

- Нет, это не жизнь!

- Как не жизнь? Чего тут нет? Ты подумай, что ты не увидел бы ни одного бледного, страдальческого лица, никакой заботы, ...А все разговоры по душе! ...

- Это не жизнь! - упрямо повторил Штольц.

- Что ж это, по-твоему?

- Это... (Штольц задумался и искал, как назвать эту жизнь.)
Какая-то...

обломовщина, - сказал он наконец.

- О-бло-мовщина! - медленно произнес Илья Ильич, удивляясь этому странному слову и разбирая его по складам. - Об-ло-мов-щина!

Он странно и пристально глядел на Штольца.

- Где же идеал жизни, по-твоему? Что ж не обломовщина? - без увлечения, робко спросил он. - Разве не все добиваются того же, о чем я мечтаю?

- Не все, и ты сам, лет десять, не того искал в жизни.

- Чего же я искал? - с недоумением спросил Обломов, погружаясь мыслью в прошлое.

- Как же, - сказал он, вдруг вспомнив прошлое, - ведь мы, Андрей, сбились сначала изъездить вдоль и поперек Европу, исходить Швейцарию пешком, обжечь ноги на Везувии, спуститься в Геркулан. С ума чуть не сошли! Сколько глупостей!..

- Глупостей! - с упреком повторил Штольц. - Не ты ли со слезами говорил: "Боже мой! Ужели никогда не удастся взглянуть на оригиналы и онеметь от ужаса, что ты стоишь перед произведением Микельанджело, Тициана и попираешь почву Рима?"

- Да, да, помню! - говорил Обломов, вдумываясь в прошлое. - Ты еще взял меня за руку и сказал: "Дадим обещание не умирать, не увидавши ничего этого..."

- Помню, - продолжал Штольц, - ...когда я сделал план поездки за границу, звал заглянуть в германские университеты, ты вскочил, обнял меня и подал торжественно руку:

"Я твой, Андрей, с тобой всюду" - это все твои слова. Ты всегда был немножко актер. Что ж, Илья? Я два раза был за

границей, выучил Европу как свое имение. А Россия? Я видел Россию вдоль и поперек. Тружусь...

- Когда-нибудь перестанешь же трудиться, - заметил Обломов.

- Никогда не перестану. Для чего?

- Когда удвоишь свои капиталы, - сказал Обломов.

- Когда учетверю их, и тогда не перестану.

- Так из чего же, - заговорил он, помолчав, - ты бьешься, если цель твоя не обеспечить себя навсегда и удалиться потом на покой, отдохнуть?

- Деревенская обломовщина! - сказал Штольц. - Вон ты выгнал труд из жизни: на что она похожа? Я попробую приподнять тебя, может быть в последний раз. Если ты и после этого будешь сидеть вот тут, то совсем пропадешь, станешь в тягость даже себе. Теперь или никогда! - заключил он.

Обломов слушал его, глядя на него встревоженными глазами. Друг как будто подставил ему зеркало, и он испугался, узнав себя.

- Не брани меня, Андрей, а лучше в самом деле помоги! - начал он со вздохом. - Все знаю, все понимаю, но силы и воли нет. Дай мне своей воли и ума и веди меня, куда хочешь. За тобой я, может быть, пойду, а один не сдвинусь с места. Знаешь ли, Андрей, в жизни моей ведь никогда не загоралось никакого, ни спасительного, ни разрушительного огня? Нет, жизнь моя началась с погасания. Странно, а это так! С первой минуты, когда я сознал себя, я почувствовал, что я уже гасну! Даже самолюбие - на что оно тратилось? Чтоб попасть в известный дом? Чтоб князь П* пожал мне руку? А ведь самолюбие - соль жизни! Куда оно ушло? Или я не понял этой жизни, или она никуда не годится,

- Зачем же ты не вырвался, не бежал куда-нибудь, а молча погибал? - нетерпеливо спросил Штольц.

- Куда?

- Куда? Да хоть с своими мужиками на Волгу: и там больше движения, есть интересы какие-нибудь, цель, труд. Я бы уехал в Сибирь, в Ситху.

- Вон ведь ты все какие сильные средства прописываешь! - заметил Обломов уныло.

Штольц еще был под влиянием этой исповеди и молчал. Потом вздохнул.

- Да, воды много утекло! - сказал он. - Я не оставлю тебя так, я увезу тебя отсюда!

- Да, поедем куда-нибудь отсюда! - вырвалось у Обломова.

- Завтра начнем хлопотать о паспорте за границу, потом станем собираться. Я не отстану - слышишь, Илья?

- Что это, братец, через две недели, помилуй, вдруг так!.. - говорил Обломов. - Дай хорошенько обдумать и приготовиться. А квартира, а Захар, а Обломовка? Ведь надо распорядиться...

- Обломовщина, обломовщина! - сказал Штольц, смеясь, потом взял свечку, пожелал Обломову покойной ночи и пошел спать. - Теперь или никогда - помни! - прибавил он, обернувшись к Обломову и затворяя за собой дверь.

